

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмар в квартале Рэд Хук

(The Horror at Red Hook)

Среди нас живут алые и добрые демоны и я думаю, что мы сами существуем и передвигаемся в неизвестном мире с пещерами, с тенями, с жителями на начальной стадии эволюции. Однажды в этом мире человек находит дорогу к древним знаниям и убеждается, что они еще имеют право на жизнь.

Артур Машем.

Глава 1

Несколько недель назад на улицах небольшого городка Паскоуг человек крепкого телосложения и красивой внешности привлек своим странным поведением внимание прохожих и стал предметом пересудов. Он спустился сюда с холма по дороге из Шепашета. Оказавшись на главной улице городка, важный вид которой придавали несколько деловых зданий, человек повернул направо. И именно на этом месте без всякой видимой причины он повел себя самым неожиданным образом. На секунду задержав свой взгляд на одном из больших кирпичных зданий, он стал страшно и истерично кричать, потом стремительно бросился бежать и на ближайшем перекрестке упал навзничь. Его подняли, стряхнули с одежды пыль. Он никак не пострадал от падения, был в полном сознании, но было очевидно, что этот несчастный находился в состоянии огромного нервного потрясения. Он пробормотал бессвязные и сбивчивые объяснения относительно каких-то доказательств, имеющих у него, затем низко опустив голову, не оборачиваясь, побрел по дороге, ведущей в Шепашет. Было трудно понять, как мог случиться такой необычный инцидент с большим и сильным человеком вполне нормального и разумного вида. На тайну не пролило света и признание одного из прохожих, будто он узнал в этом человеке съемщика комнаты у одного фермера из окрестностей Шепашета.

Это был детектив из Нью-Йорка, по имени Томас Г. Мэлон, находящийся в настоящий момент в отпуске по причине длительной болезни. Она была вызвана его участием в выполнении исключительно трудной и важной миссии, касающейся очень грязного дела, обернувшегося трагедией. Несколько старых кирпичных домов рухнули во время полицейской облавы, в которой он принимал участие. Даже я был поражен смертью преступников и полицейских, участвовавших в этом деле. Сам же он испытывал огромный страх при виде любого здания, которое даже издали могло напомнить ему те рухнувшие дома. В конце концов психиатр запретил ему смотреть на них.

Полицейский врач, имеющий родственников в Шепашете, рекомендовал Мэлону этот небольшой поселок колонистов, как идеальное место для восстановления расшатанной нервной системы. Здесь и обустроился детектив после данного им обещания не вмешиваться в дела, имеющие отношения к кирпичным зданиям, без разрешения

специалиста из Оунсокета, которому он доверился. Прогулка, предпринятая в городок Паскоуг для покупки журналов, без сомнения была ошибкой, Болезнь продолжала мстить за непослушание: страх, контузия и унижение. Доброжелатели с длинными языками были в курсе дел полицейского, так как случаем, происшедшим с Мэлоном, занимались самые опытные и видные психиатры.

Сначала Мэлон откровенно рассказал все специалистам, но убедившись, что постоянно натывается на полное неверие с их стороны, ушел в себя и замолчал. Мэлон не протестовал, и тогда все окружающие решили, что именно обвал нескольких кирпичных домов в квартале Рэд Хук в районе Бруклина, где погибло много смелых полицейских, послужил основной причиной его нервной депрессии. Говорили даже, будто Мэлон много сделал для того, чтобы очистить этот район от притонов, распутства, беспорядка и насилия. Некоторые подробности расследования были так достаточно впечатляющи, но неожиданно разыгравшаяся трагедия, видимо, послужила каплей, переполнившей чашу. Это официальная версия для очистки совести, и ее охотно приняли все, и Мэлон, будучи умным человеком, сознательно решил для себя ничего не доказывать. Доверять людям, лишенным всякого воображения, весь ужас, вызванный мерзостью и уродством в домах, кварталах и целых городах, разъедаемых, как проказой, наследством от старого мира, было бы равносильно обречению провести оставшиеся дни в психиатрической клинике.

Томас Мэлон был человеком чувствительным, но, несмотря на склонность к мистицизму, выбрал спокойную деревенскую жизнь. У Мэлона была поистине кельтская интуиция ко всем таинственным и скрытым явлениям, а также зоркий глаз логика, для которого внешняя сторона предмета не была ни главной, ни убедительной. Сочетание таких качеств привело его на сорок втором году жизни в места, достаточно необычные для человека, родившегося в Джорджии возле парка Фожикс и учившегося в Дублинском университете. Теперь, когда он мысленно снова возвращался к ужасным воспоминаниям, Мэлон искренне поздравлял самого себя за благоразумное решение хранить тайну, способную сделать из бесстрашного и непримиримого борца истеричного неврастеника. Уже не в первый раз его ощущения оставались загадкой для него самого; и даже сам факт погружения в многоязычный подземный мир Нью-Йорка не имевший никакого рационального объяснения, представлялся игрой воображения.

Как можно разговаривать с обывателями о древнем колдовстве и чудесах, доступных столь чувствительному восприятию? Как воскресить в памяти этот отравленный наркотиками котел, в котором смешалась вся злоба и желчь, и увековечились все непристойные страсти? Малой улыбался, когда люди снисходительно подтрунивали над его рассказами. Эти обыватели цинично издевались над его упорным преследованием нераскрытых загадок, старясь убедить Мэлона, что в ваше время Нью-Йорк является самым посредственным и вульгарным городом, в котором нет места никаким тайнам, тем более средневековым. Один из этих людей даже заключил пари на кругленькую сумму, что не сможет выжать ни одной статьи из всей этой истории, написать книгу о воровском мире Нью-Йорка - вот это было бы действительно интересно. Размышляя, Мэлон чувствовал, что по иронии судьбы подтвердились слова странного предзнаменования, хотя полностью отвергал их смысл. Страх, который пронизывал его,

не мог быть описан словами, понятными другому человеку, или, как писал один немецкий критик о книге По, "es last sich niht lesen" - "ее невозможно читать".

Глава 2

Мэлон всегда искал тайны существования. В молодости он ощущал скрытую красоту предметов, окружавших его. В ту пору Мэлон был поэтом. Но бедность, печаль и изгнание обратили его взгляд на более темную сторону жизни, и он содрогнулся от обилия насажденного вокруг зла. Будничная жизнь превратилась для Мэлона в фантазмагорию мрачных теней, то пылающую от скрытого загнивания и тлена в стиле Бердслея, то лишь намекающую на уродства и мерзости скрывающиеся за самыми обычными предметами, формами, как в утонченных композициях Гюстава Доре.

Мэлон считал вполне естественным, что у большинства высокообразованных людей упоминание о самых глубинных тайнах бытия вызывало лишь улыбку. Он был убежден, что если установить прямые контакты между достижениями научной мысли и античными культами, то аномалии, возникшие в результате этой связи, смогут не только уничтожить этот мир, но и угрожать целостности всей Вселенной. Все эти размышления без сомнения носили мрачный и суровый оттенок, но острая логика и чувство юмора, присущие Мэлону, поддерживали его психику в равновесии. Он довольствовался тем, что, оставляя неразрешенными свои рассуждения, упражнял ими пытливый разум. Нервное потрясение произошло с ним лишь тогда, когда по долгу службы он погрузился в самый ад, где слишком грубо и откровенно обнажилась правда жизни. Он служил в управлении отделения полиции, контролирующем Батер-стрит в Бруклине, когда разразилось дело на Рэд Хуке. Рэд Хук представлял собой лабиринт трущоб и лачуг, расположенных возле старой пристани, с грязными улицами, тянувшимися от набережной до места, откуда развалины Клинтон и Кур-стрит ведут к Боруф-Холл. Большинство домов были построены из кирпича и датировались первой четвертью 19 века, но лишь некоторые аллеи и переулки были отмечены старомодным "шармом", позволяющим писателям и литераторам называть их "диккенсовскими". Население здесь было пестрым и разнообразным: выходцы из Сирии, Испании, Италии и африканских стран смешались со скандинавами и американцами из ближайших районов. Это было настоящее Вавилонское столпотворение в миниатюре, оттеняемое грязными криками и гулом толпы на фоне плеска маслянистых волн и массы звуков, составляющих жизнь порта.

Когда-то здесь выглядело все по-другому. На этой улице в уютных домиках жили голубоглазые моряки, любившие прогуливаться по опрятным улицам со своими семьями. Еще можно найти остатки былого благополучия в формах некоторых сохранившихся конструкций. Об этом же свидетельствуют и несколько церквушек, и другие разрозненные детали: красивая источенная лестница, резная пришедшая в негодность дверь, пара колонн, осевших от времени, остатки витых перил с металлическими украшениями. Дома на Рэд-Хуке в основном все были массивными, но иногда среди них выделялись скромные башенки с многочисленными окнами, напоминающие о тех забытых временах, когда семьи капитанов и судовладельцев наблюдали за морем.

Теперь в этом гнилостном хаосе смешались богохульства и ругательства ста диалектов.

По улицам, пошатываясь, крича и распевая распутные песни, рыскали толпы бродяг. Грязные руки гасили свет, задергивали занавески, и смуглые лица с отметиной греха исчезали в окнах, когда по улице шел случайный прохожий, забредший в этот вертеп. Полиция давно распрощалась с мыслью установить здесь порядок, теперь она ставила себе целью оградить внешний мир от заразы, исходившей, от этого смрадного места. На шум патрулей отзывалась лишь призрачная тишина. Арестованные с Рэд Хука никогда не раскрывали своих секретов, предпочитая молчать. Что касается преступлений, то по своему разнообразию они ничуть не уступали местным диалектам: от подпольного изготовления рома и отсутствия права на жительство до жутких убийств и еще более ужасных злодеяний. Очень часто многие преступления оставались безнаказанными, но необходимо было учитывать способность этого страшного квартала укрывать своих преступных жителей. В Рэд Хуке существовала закономерность: сюда приходило больше людей, чем выходило из этого грязного лабиринта, или, по крайней мере, они выходили, но не в сторону, ведущую к городу. Тех, кто был наименее болтливым, отличала быстрая походка.

Мэлон сразу почувствовал в этом нечто ужасное, привлекающее своей таинственностью. Как человек, у которого воображение подкрепилось научным знанием, он отчетливо сознавал, что современные люди в особых условиях инстинктивно выбирают в повседневной жизни самую темную и дикую схему существования.

Иногда Мэлон с трепетом антрополога наблюдал ранним утром за молодыми людьми с красными от перепоя глазами и помятыми лицами, шедшими по улицам Рэд Хука. Он постоянно видел группы подобных субъектов, то что-то заговорщески обсуждающих на углу улицы, то сидящих и рассеянно играющих на дешевых инструментах возле ворот своих домов. Иногда возбужденные, иногда безразличные ко всему они изредка вступали в непристойные диалоги между собой в кафе Боруф-Холл. Он мог их встретить, громко разговаривающих возле такси, останавливающих у старых, готовых рухнуть в любой момент домов с наглухо запертыми ставнями.

Собственные наблюдения и рассуждения одновременно и зачаровывали, и страшили Мэлона. Он не осмеливался откровенно делиться своими наблюдениями с коллегами, так как считал, что является свидетелем ужасного ритуала тайной преемственности и родства этих людей с далеким прошлым планеты. По мнению Мэлона, это были наследниками примитивной и шокирующей традиции, хранителями забытого культа и церемоний более древних, чем само человечество. В это время Мэлон ничего не читал, кроме научных сочинений вроде трактата мисс Хьюрау "Культ колдовства в западной Европе".

Он знал, что среди крестьян и людей с темным прошлым еще живут последние представители чародеев и колдунов. Речь шла об организованной, подпольной и страшной системе, ведущей свое происхождение от темных религий, предшествующих арийскому миру и известных в старинных легендах под именем Черной Мессы и Шабаша Ведьм. Он ни на одно мгновение не верил, что дьявольские следы старой магии и азиатских культов могли исчезнуть навсегда, но часто задавал себе вопрос, где именно заканчивается легенда и начинается действительность.

Дело Роберта Сейдама вовлекло Мэлону в самую гущу событий в Рэд Хуке. Роберт слыл старым эрудитом, происходящим из старинной голландской семьи. Он скромно жил на доходы от своих рент в большом, но неухоженном доме, построенном еще его дедом во Флатбушс. Район этот представлял собой небольшое сосредоточение домов колонистов, окружающих колокольню, увитую плющом, перестроенную церковь и нидерландское кладбище с железной оградой. В своем уединенном жилище, в стороне от Монтенсен-стрит, со двором, утопающем в тени старых деревьев. Сеидам прожил затворником почти шестьдесят лет, за исключением восьми, которые он провел в Старом Свете. Его средства не позволяли ему держать в доме слуг, и редки были посетители, допущенные в его одиночество. Он принимал своих нечастых гостей в одной из трех комнат первого этажа, в которой еще поддерживался порядок. Это была библиотека с высоким потолком, стены которой заполняли книги с загнутыми страницами. Большею частью это были тяжелые старинные тома, производящие отталкивающее и мрачное впечатление. Рост города и поглощение им старых кварталов не имели никакого значения для старика, забытого этим самым городом. Пожилые люди еще помнили его и замечали на улицах, но для молодежи он был лишь страшным и дородным стариком, со сбившимися в беспорядке седыми волосами и плохо выбритыми щеками. Его черная изношенная одежда и трость с золотым набалдашником вызывали у них насмешливые и снисходительные взгляды.

Раньше, до того как он занялся этим делом, Мэлону не приходилось встречать старика. Но стороной он слышал о Роберте Сейдаме как об эксперте по средневековым суевериям. Однажды Томас захотел получить у старика консультацию по поводу недавно вышедших книг по кабалистике и посвященных легендам о Фаусте. Но, поскольку издания были уже проданы, Мэлон отказался от своего намерения.

"Дело Сейдайма" возникло, когда его дальние родственники попытались получить свидетельство суда об умственной неполноценности старика.

Отношение родственников к старику казалось окружающим странным. Решение обратиться в суд было предпринято ими после длительного обсуждения и тягостных споров. В привычках старика и его манере разговаривать произошли заметные для всех изменения. Теперь Сеидам часто намекал на неожиданные вещи и посещал пользующиеся дурной славой Бруклинские кварталы. С годами он стал еще небрежней относиться к своей внешности и бродил по улицам как нищий бродяга. Знакомые встречали его на станциях метро или сидящим на скамейке возле Боруф-Холла в компании людей с липами висельников. Среди этого подозрительного общества он вел бессвязные разговоры о мнимых неограниченных полномочиях и произносил, закатывая глаза, мистические непонятные слова, типа "Serhiroth", "Ashmodai" и "Samael".

Следствию стало известно, что все свои деньги Сеидам тратил на приобретение весьма любопытных книг, изданных в Лондоне и Париже. В одном из темных подвалов квартала Рэд Хук он содержал подозрительную квартиру, где проводил почти все ночи, принимая странные делегации бродяг и нищих. По-видимому, именно здесь он совершал какой-то торжественный и тайный ритуал. Детективы, следовавшие за ним, докладывали о криках и песнях, загадочных звуках, похожих на топот во время ночных обрядов. Привыкшие к разгулам и оргиям в этом злополучном квартале полицейские содрогались

от ужаса, вспоминая необычно дикие вопли, раздававшиеся во время проведения таинственных ритуалов. Тем не менее после слушания дела Роберту Сейдаму удалось сохранить свободу.

На суде старик вел себя галантным и благоразумным образом. Однако судьи заметили некоторую странность и эксцентричность его поведения и речи, но отнеслись к этому снисходительно, объясняя все лишь его исключительной страстью к оккультным наукам и исследованиям. На суде Роберт Сеидам заявил, что погружен в особо важную работу, касающуюся некоторых особенностей европейских традиций, требующую детального изучения фольклорных и обрядных танцев и песен разных народов. Утверждения родственников, что некое тайное общество довлеет над ним, оказывая на него влияние, старик назвал абсурдом. Такое обвинение со стороны его родни лишь показывало, по словам Сейдама, насколько они плохо знают его научные изыскания. Благодаря своей выдержке и хладнокровным четким объяснениям Сеидам покинул зал суда триумфатором. Частные детективы Корлеаси Ван Брант оплачиваемые родственниками, вынуждены были вернуться к другим делам.

Именно в этот момент на сцене появилась группа федеральных инспекторов и полицейских, в числе которых был и Мэлон. Официальные власти с интересом следили за делом Сейдама и даже согласились на присутствие в суде частных детективов. Полиция установила, что новые компаньоны Роберта Сейдама были закоренелыми преступниками, по крайней мере треть из них были уличены в совершении довольно серьезных нарушений: кражах, нарушениях общественного порядка, тайной иммиграции.

В действительности, можно сказать, не боясь ошибиться, частные собрания "ученого" старика собирали самых крупных азиатских торговцев наркотиками в Рэд Хуке. В кишачих бродягами подозрительных кварталах Паркер Пласс, пользующихся печальной славой, где Сеидам имел подпольную квартиру, образовалась настоящая колония из весьма темных индивидуумов с возбужденными глазами. Для общения между собой они использовали арабский язык.

Власти не раз предпринимали попытку выслать этих подозрительных типов под предлогом того, что они находились вне закона, но законодательство было слишком неповоротливым, и эти люди успевали приспособиться к нему быстрее, чем оно изменялось. Полицейские власти, пытавшиеся "обрушиться" на Рэд Хук, постоянно натывались на сопротивление прессы или давление другого рода.

Главарь с Рэд Хука собирались в полуразрушенной каменной церкви, расположенной в самом грязном месте на берегу моря. По средам здесь происходили особые сборища. Тут же стояла и католическая церковь, но священники отказались свершать в ней службы после того, как полиция установила, что по ночам церковь становится местом проведения темных и подозрительных представлений. Низкие надтреснутые звуки издавались органом, который, казалось, находился где-то под землей, в то время как в церкви было темно и пустынно. Отсюда слышались завывания и бой барабанов, сопровождающие таинственные службы.

На допросе Сеидам утверждал, что тайный ритуал является отголоском христианства, слегка окрашенного тибетским шаманством. Большинство людей, участвующих в нем, были представителями монголоидной расы, выходцами из Курдистана и других азиатских стран. Мэлон не мог не вспомнить, что в Курдистане и в некоторых других местах последние потомки оттоманской империи поклонялись и обожали Сатану. В ходе следствия выяснилось и то, что поток тайных иммигрантов из перечисленных стран постоянно нарастает. Они прибывали в Штаты благодаря морякам, оказывавшим им всяческое содействие, и помогавшим избежать таможенной инспекции. Вновь прибывшие обосновывались на холмах Паркер Плас, где их по-братски принимали бывшие соотечественники. Коренастые фигуры в крикливых и пестрых одеждах, разительно отличавшихся от одежды американцев, все чаще и чаще встречались среди местных и приезжих в Боруф-Холл гангстеров, так что появилась необходимость собрать их всех вместе, провести перепись и сдать федеральным властям и полиции города.

Методы, используемые полицией, разнообразны и изобретательны. Благодаря своим тайным прогулкам, безобидным разговорам, своевременным подношениям полных до краев стаканов алкоголя и откровенных доверительных бесед с заключенными Мэлон узнал много интересных фактов о любопытном и угрожающем новом движении переселенцев в Рэд Хуке. Большинство переселенцев были курдами, разговаривающими на диалекте, оставшимся нераскрытой тайной для филологов. В основном это были люди физического труда: докеры, портовые рабочие, разносчики газет, уборщики и гардеробщики в дешевых греческих ресторанчиках. Большинство же из них не имели законных доходов и невольно попадали во всякие сомнительные предприятия, где мошенничество и кражи были самыми обычными вещами.

Они приезжали в страну на пароходах и грузовых судах различных типов. Тайно темными безлунными ночами они пробирались на пришвартованные к пристани корабли и двигались по скрытому каналу, ведущему к подземной якорной стоянке под одним из домов.

Мэлон не мог точно определить местонахождение ни пристани, ни канала, ни дома, потому что объяснения этих людей были крайне сбивчивы и противоречивы и мало понятны даже самым опытным переводчикам. Он не смог добиться успеха и в поисках причин столь регулярной иммиграции.

Переселенцы хранили полное молчание о том, откуда они точно прибыли, каким образом им удалось установить и поддерживать связь с тайной организацией, приведшей их в Америку. Единственное, замеченное Мэлоном, было то, что когда он пытался заставить их указать причину приезда, самые хладнокровные из них начинали дрожать от панического ужаса. Гангстеры других национальностей также предпочитали молчать. Мэлону удалось узнать только то, что какой-то бог или священнослужитель обещал им неслыханную власть и нечеловеческое могущество, господство над чужеземной страной.

Полиция тщательно следила за сборищами Сейдама, которые посещали и переселенцы, и местные преступники. Вскоре полицейские установили, что старик имел дополнительные квартиры, где расселял всех приглашенных, понимающих язык его

пассов. Он полностью снимал три дома на Паркер Плас, там постоянно находили приют его странные компаньоны.

Теперь Роберт Сейдам все меньше времени проводил в своем доме во Флатбуше. Он приходил сюда лишь за своими загадочными книгами. Дикость исказила его лицо и сделала грубыми манеры. Мэлон дважды пытался поговорить с Сейдамом, но каждый раз натыкался на плотную стену молчания. Сейдам уверял, что ничего не знает ни о тайных сборищах и заговорах, ни о движении курдов, не имеет никакого представления ни о том, каким образом переселенцы оказываются в Америке, ни о цели их прибытия. Что касается его самого, то он утверждал, что просто изучает фольклор всех народностей, населяющих квартал. Полиция ничего не видела в этом незаконного. Мэлон безуспешно пытался размягчить старика, выразив ему искреннее восхищение по поводу написанной им брошюры о проблемах кабалистики и других мистических тайнах. Однако старик вежливо, но настойчиво выставил непрошенного визитера. Детектив был вынужден заняться поиском других источников информации.

Теперь мы уже никогда не узнаем, что могло бы открыться Мэлону, если бы он постоянно занимался этим делом. Однако глупые конфликты и постоянное бессмысленное соперничество между федеральными и городскими властями лишь тормозили ход расследования. В течение нескольких месяцев инспектор Мэлон был занят другим, но это любопытное дело оставалось по-прежнему в поле его внимания. Даже в период крупных похищений детей, потрясших своим масштабом Нью-Йорк, у него хватило времени заметить, что старик, пренебрегавший своей внешностью, вдруг полностью преобразился. В Боруф-Холле он появлялся отлично выбритым, с коротко остриженными волосами и в безукоризненном костюме. Казалось, вторая молодость вернулась к нему: его взгляд был ясным, исчезла сутулость, шаг стал пружинистым, речь отчетливой, жесты быстрыми и даже волосы его потемнели, как будто бы без помощи красителя. Шли месяцы, а старик продолжал удивлять окружающих. Он обновил и обставил мебелью свой дом во Флатбуше, стал часто устраивать приемы, на которые приглашал своих знакомых, не забывал он и дальних родственников, недавно пытавшихся возбудить против него уголовное дело и ставивших под сомнение его умственную полноценность. Некоторые приходили из любопытства, другие из родственных чувств, но все были очарованы гостеприимством и обаянием бывшего "отшельника". Сейдам говорил, что получил наследство от своего старинного друга в Европе, и теперь у него есть возможность полностью закончить основной труд своей жизни и прожить отпущенное ему время без финансовых забот.

С этого времени его стали все реже встречать на Рэд Хуке, зато большую часть своего времени он проводил в обществе, из которого происходил. Полиция установила, что гангстеры по-прежнему организовывали тайные сборища в старой каменной церкви, но казалось, что они перестали посещать подвал на Паркер Плас, хотя там как всегда было полно подозрительных и темных личностей.

Потом произошли два события, на первый взгляд далеких друг от друга, но в глазах Мэлона представляющих большой интерес. Первое - неброское сообщение о помолвке Роберта Сейдама с очаровательной мисс Корнелией, второе - облава, проведенная полицией в каменной церкви, во время которой, по слухам, в окне подвала увидели лицо

одного из недавно похищенных детей. Мэлон, принимавший участие в облаве, тщательно обследовал странное место, но ничего не нашел. Церковь была абсолютно пустой, когда он зашел в нее. Однако детектив был поражен тем, что он увидел внутри здания: повсюду были развешаны грубо исполненные панно, изображающие священные лики с таким дьявольским и в то же время земным выражением, что глядя на них Мэлон ощутил жуткий страх. На стене над пюпитром он обнаружил надпись на греческом языке. Это было заклинание. Еще студентом Дублинского университета Мэлон встречал это заклинание в одной из книг и даже знал его перевод: "О наш друг и ночной спутник, ты, кто присоединяется к вою собак и пролитой крови, ты, который бродишь среди теней и могил, ты, кто наслаждаешься кровью и сеешь ужас среди мертвых, Горго, Мормо, таинственный, имеющий тысячи лиц, прими благосклонно наши жертвы".

Прочитав еще раз эту надпись, Мэлон содрогнулся и вспомнил о тех невыносимых оргиях с завываниями, происходивших по ночам в церкви. Он снова испытал ужас, увидев ржавчину на краю металлического бассейна возле алтаря и ощутив страшный, погребальный запах, витавший вокруг. Воспоминания о ночных сборищах неотступно преследовал Мэлона. Прежде чем уйти из церкви, он тщательнейшим образом обследовал подвал, но ничего не обнаружил, хотя сам подвал показался ему гнусным и ненавистным местом.

Эти события вызывали гнев у добропорядочных граждан, газеты требовали от полиции эффективных действий по разоблачению банды похитителей. Полицейские произвели несколько облав на Рэд Хуке в надежде найти веские доказательства, необходимые для ареста преступников. Мэлон был доволен, что опять оказался в центре событий и смог участвовать в облаве в одном из домов, некогда снимаемом Сейдамом на Паркер Плас. Во время рейда в доме не нашли ни одного пропавшего ребенка, несмотря на слухи о криках, часто доносившихся оттуда, и красном шарфе, якобы принадлежавшем одному из них и найденным полицией недалеко от дома.

Полуразрушенные стены зловещего дома украшали грубые надписи и рисунки, убедившие Мэлона в том, что на сей раз он имеет дело с чем-то необычным. На стенах во всех комнатах были изображены лица мерзких и безобразных монстров разнообразных размеров и форм и расплывчатые человеческие силуэты гнусного вида. Общее впечатление от увиденного Мэлон не мог даже описать. Надписи были сделаны чем-то красным и несли в себе элементы арабского, греческого, латинского и древнеевропейского языков. Большую часть написанного Мэлон смог разобрать, но прочитал лишь одну, на древнегреческом с элементами древнееврейского языка, представляющую одно из самых страшных обращений к Сатане эпохи александрийского декаденса:

HEL - HELOYM - SOTHER - EMMANUEL - SABOTH - AGLA - TETRAGRAMATON - AGYRUS -
OTHEOS - ISCHYROS - ATHANATOS - IEHOVA - ADONAT - SADAY - HOMONION - MESSLAS -
ESCHEREHEYE.

Без всякого сомнения в квартале среди его подозрительных жителей возникли кружки и секты, проповедующие страшные верования и учения. К таким выводам пришел Мэлон. В подвале одного из домов полиция обнаружила груды золотых болванок,

небрежно прикрытых холщовым полотном. Надписи, похожие на уже виденные Мэлоном на стенах, были высечены и на поверхности золотых слитков.

Во время облавы полиция встретила пассивное сопротивление переселенцев с Востока, с ненавистью следивших за ее действиями. Не обнаружив ничего, что могло стать существенным доказательством связи жителей Рэд Хука с похищением детей, полиция покинула этот зловещий квартал.

Комиссар написал Мэлону специальные рекомендации, предписывающие детективу уделять больше внимания криминогенному кварталу и его жителям в связи с тем, что общественное волнение не успокаивалось.

Глава 3

Свадьба Сейдама состоялась в июне. Во Флатбуше царила всеобщая эйфория. Улицу, украшенную ковровой дорожкой, тянущейся от портала старой голландской церкви до самого шоссе, заполнили богато украшенные машины. Никакое местное событие не могло сравниться по пышности и роскоши с этой свадьбой Сейдама-Герритсон. Имена тех, кто сопровождал новобрачных до пристани, если и были не из самых известных, то все же достаточно часто мелькали в разделе местной хроники. В пять часов вечера провожающие замахали платками, и огромный трансатлантический лайнер медленно заскользил вдоль пристани, развернулся в направлении океана и двинулся в необъятные морские просторы, влекущие его к чудесам Старого Света. Ночью корабль вышел в открытое море, и пассажиры, задержавшиеся на палубе, любовались сиянием звезд, отражавшихся в неподвижной морской глади.

Никто не скажет, что первым привлекло внимание людей: грузовое судно или жуткий крик. Возможно, оба события произошли одновременно, теперь бесполезно теряться в догадках. Крик донесся из каюты новобрачных. Стюард, взломавший дверь, наверное смог бы рассказать ужасающие детали увиденного, если бы не лишился рассудка. Каковы бы ни были подробности трагедии, несчастный взвыл сильнее, чем сами жертвы. Слабо стеновая, он бегал по судну, пока его не укротили и не надели на него наручники. Корабельный доктор, зашедший в каюту следом за стюардом и лишь на мгновение осветивший ее зажженной спичкой, не сошел с ума, но и не проронил никому не единого слова об увиденном. Позже, на берегу он обо всем рассказал Мэлону, встретившись с ним в Шепашете.

В каюте произошло злодейское убийство. Новобрачная была задушена, но следы когтей, хорошо видные на ее шее, не могли принадлежать ни ее супругу, ни любому другому человеческому существу. На несколько мгновений на белой стене каюты появилось слово из горящих букв, напоминающее зловещие халдейские надписи:

Ulith.

Буквы быстро исчезли.

Что касается Сейдама, то, видимо, надо было запретить кому бы то ни было входить в каюту, чтобы попытаться разобраться в происшедшем. Но доктор утверждал, что не видел старика. Действительно, едва проникнув на место преступления, он не мог видеть

открытый иллюминатор до того момента, пока не зажег спичку. На мгновение ему показалось, что в ночи за бортом он услышал далекое приглушенное эхо дьявольского смеха, но в то же время никого не заметил. Доктор не сомневался в том, что видел, и утверждал, что находится в здравом уме.

Через несколько минут всеобщее внимание привлекло грузовое судно, подходившее к временно неподвижному кораблю. На борт вошла группа людей в офицерской форме. Однако военная форма не смогла скрыть действительной сущности этих бандитов, потребовавших выдать им Сейдама или его тело. Они были в курсе свадебного путешествия супругов, и по их тону было ясно, что не сомневаются в смерти старика.

Капитанский мостик походил на крошечный ад. Напряженность на корабле нарастала. В эту минуту даже самый уравновешенный и здравомыслящий член экипажа не знал, какие действия необходимо предпринять. Неожиданно главарь банды, араб устрашающего вида с отвратительными негритянскими губами подошел к капитану и протянул ему грязную и помятую бумагу. Это было странное послание, написанное Робертом Сейдамом. Его содержание было таково:

"В случае моей внезапной смерти или необъяснимого несчастного случая, прошу выдать меня или мое тело, не задавая вопросов, в руки предьявителя этого послания. Дальнейшее для меня, а может быть и для вас будет зависеть от полного соблюдения поставленных условий. Объяснение вы узнаете позже. Не вините меня в этом случае. - Роберт Сейдам".

Капитан и доктор обменялись взглядами. Последний что-то прошептал на ухо капитану. В конце концов они подчинились требованию банды и повели непрошенных гостей в каюту, где разыгралась трагедия.

Доктор, избегая взгляда капитана, открыл дверь каюты. Он пропустил вперед себя людей в военной форме, и остался с капитаном в коридоре, беспокояно ожидая, когда бандиты выйдут со своей ношей. Те вынесли тело, тщательно укутанное в простыни от любопытных взглядов, и погрузили его на грузовое судно.

Лайнер развернулся в направлении порта, из которого недавно вышел. Доктор и служащий похоронного бюро привели в порядок каюту и отдали последний долг покойной. Доктор еще раз был вынужден проявить свое хладнокровие и выдержку, отвечая на вопросы агента и скрыв правдивую картину виденного им кошмара. Представитель похоронного бюро интересовался, почему доктор выпустил всю кровь из покойной. Но на этот вопрос он не получил никакого ответа. Доктор не афишировал тот факт, что полка в каюте, где хранились лекарства, была пуста, как и не стал заострять внимания на запахе в раковине, указывавшем, что сделали с первоначальным содержанием флаконов для лекарств. Однако доктор заметил, что карманы людей в военной форме, если это действительно были люди, странно оттопыривались, когда они покидали корабль. Об этом факте он тоже никому не сказал.

Через два часа по радио город узнал официальную версию ужасной трагедии, разыгравшейся на корабле.

Глава 4

Тем же июньским вечером, когда случилась трагедия на корабле, Мэлон, еще ничего не знавший о ней, совершал обход Рэд Хука. Он почувствовал, что какое-то странное оживление овладело всем кварталом. Люди собирались, созываемые "арабским телефоном" или чем-то в этом роде, возле каменной церкви и домов на Паркер Плас в ожидании каких-то событий. Накануне из соседнего квартала, населенного выходцами из Норвегии, пропали три голубоглазых малыша. По кварталу поползли слухи, будто храбрые потомки викингов полны решимости восстановить правосудие собственными силами. В течение нескольких недель Мэлон доказывал своим коллегам необходимость проведения очистительного рейда в Рэд Хуке. Пораженные глубокими переменами, произошедшими в Мэлоне-мечтателе, который теперь напоминал им об ответственности перед людьми, полицейские согласились, что настало время для нанесения решительного удара по зловещему кварталу. Оживление и общая обстановка, установившиеся июньским вечером, определенно ускорили действия властей.

Ровно в полночь три полицейских наряда ворвались на Паркер Плас и его темные окрестности. Двери были взломаны, и в комнатах, освещенных лишь пламенем свечи, полицейские застали толпу странно одетых людей в митрах, пестрых балдахинах и других необъяснимых нарядах. В сутолоке много компрометирующих вещей было утеряно, их выбрасывали в колодцы и разоблачающие запахи заглушались жжением ладана и фимиама. Но повсюду на полу были заметны пятна крови, и Мэлон каждый раз содрогался, приближаясь к еще дымящемуся алтарю или углям.

В первую очередь Мэлон отправился в подвал дома Сейдама на Паркер Плас. Агент доложил ему, что старая каменная церковь пуста. Мэлон рассчитывал обнаружить следы проведения культа, главным жрецом которого он считал Роберта Сейдама, знатока оккультных наук. Уверенный в успехе Мэлон тщательно обыскал заплесневевшие комнаты, отмечая запах человеческого тела, наполнявший их, внимательно осмотрел тома старых книг во кабалистике и другим оккультным наукам, инструменты, золотые болванки, бутылки со стеклянными пробками, в изобилии разбросанные на полу. Вдруг возле Мэлона быстро проскользнул худой черно-белый кот, перевернув реторту, наполовину заполненную красной жидкостью. Это создание было настолько ужасным, что Мэлон испытал жуткое потрясение, хотя по сегодняшний день детектив не уверен был ли это кот на самом деле. Но в своих воспаленных снах он часто видит удирающего кота, уродливого и чудовищного. Блуждая по подвалу, Мэлон наткнулся на запертую дверь и оглянулся в поисках тяжелого предмета, с помощью которого можно было бы ее взломать. Рядом оказался табурет, вполне пригодный для этой цели. После нескольких ударов дверь поддалась. Порыв холодного ветра со всеми запахами бездны ударил детективу в лицо.

Всасывающая сила, не имеющая ни небесное, ни земное происхождение, парализовала Томаса и увлекла его в зияющую дыру безмерного пространства, заполненного шепотом, стонами и зловещим хохотом. Конечно, это был кошмар, жуткое видение. Так, по крайней мере, объяснили ему в дальнейшем специалисты, и Мэлон не смог доказать обратного. Впрочем, он предпочел бы, чтобы это действительно было лишь жутким видением, тоща, наверное, образы каменных лачуг и сумрачных лиц не терзали

бы его возбужденный мозг. Но никакая сила не могла стереть его ужасных воспоминаний о виденных, а не приснившихся в жутком сне мрачных склепах, гигантских сводах, уродливых и безобразных силуэтах, приближающихся к Мэлону большими шагами и сжимающих в своих передних конечностях куски еще живых, но наполовину обглоданных существ, молящих о пощаде или смеющихся сатанинским смехом. В мрачной темноте, пропитанной смешанным тошнотворным запахом гниения и дымящегося фимиама, скользили безобразные, едва различимые чудовища с пылающими глазами. Где-то о покрытые плесенью пристани ударялась бордовая липкая жидкость с запахом крови. В следующий момент Мэлон услышал дребезжащий звон маленьких колоколен, приветствующих своим перезвоном какое-то обнаженное, флуоресцирующее существо, плывущее к берегу. Извиваясь и приседая на корточки, уродливое создание с сардоническим хохотом взобралось на позолоченный пьедестал, стоящий на заднем плане.

Космическое зло проникло сюда, питаемое обрядами безбожников. Оно уже давно начало свой зловещий могильный путь с целью довести всех нас до состояния безумных монстров, покрытых плесенью и гнилью, и до такой степени отвратительных, что они не заслуживали даже места для погребения. Именно здесь Сатана содержал свой вавилонский двор, и здесь в невинной крови младенцев купались прокаженные из свиты светящегося чудовища по имени Лилит. Демоны и злые духи выкрикивали хвалебные песни, сопровождающие жертвоприношения, а безголовые ягнята жалобно блеяли, обращаясь к Magna Vater. Козы прыгали под звуки флейты и, как раздувшиеся огромные жабы, без передышки бегали за безобразными фавнами по неровным скалам. Молох и Аштарот находились здесь же, упиваясь несущимися со всех сторон проклятиями. Тут были упразднены все границы сознания, и человеческое воображение свободно перемещалось во всех областях ужаса и во всех запрещенных измерениях бытия, которые зло способно создать своей властью. Природа и человеческий мир бессильны против таких натисков, внезапно возникающих из мрачных ночных колодцев, и никакая молитва, никакой знак не могут помешать этой нарастающей волне мерзости и гнусности.

Неожиданно Мэлон увидел луч яркого света и услышал шум весел, ударяющих по водной глади. Появилась лодка с тусклым фонарем на носовой части. После того, как она пришвартовалась к пристани, из нее вышла толпа людей с мрачными и злыми лицами, несущих ношу, тщательно завернутую в простыни. Они поднесли ее к обнаженному светящемуся чудовищу, восседавшему на золотом пьедестале. Безобразное существо извергло из своей пасти жуткий вой и бросилось, протягивая свои передние конечности, к ноше. Когда развернули простыни, перед горящим взором монстра предстал разлагающийся труп горбатого старика с небритым лицом и седыми волосами. И снова светящееся существо издало радостный вой. По его сигналу люди достали из своих карманов флаконы с красной жидкостью, смазали ею ноги, а затем каждый по очереди передал свой флакон монстру, чтобы он выпил оставшуюся жидкость. Вдруг раздался звук органа, издающего низкие хрипящие ноты, похожие на дикий смех греховного ада. Звучание органа лилось из-под сводов необъятной площади. В одно мгновение, услышав этот звук, все впали в огромное возбуждение. Кошмарная толпа быстро перестроилась в церемониальную процессию, а затем стала извиваться под звуки зловещей музыки,

люющей из органа. Дергающиеся люди вместе с козами, сатирами, лемурами, злыми духами, воющими собаками, огромными жабами и другими бесформенными существами торжественно шествовала вдоль пристани. Впереди шел обнаженный и светящийся демон, несущий в своих передних конечностях труп старика с пустыми глазницами. Люди с темной кожей замыкали этот жуткий кортеж. Колонна продолжала свое таинственное шествие, подпрыгивая и приседая, извиваясь и махая руками в вакханическом безумии. Спотыкаясь, Мэлон медленно следовал за ними. Ему казалось, что он бредит, его воспаленный мозг мучал вопрос, в каком мире он сейчас пребывает? Задыхаясь и содрогаясь от увиденного, он в бессилии рухнул на холодные каменные плиты.

Понемногу звуки демонического органа и завывания безумной толпы стали затихать. Некоторое время сыщик находился в беспомощности. Потом до него снова стали доноситься благоговейные возгласы таинственной процессии. Вдруг детектив услышал нечто, заставившее его мгновенно прийти в себя. Это было ужасное заклинание, которое он прочитал на пюпитре старой каменной церкви:

- О, наш друг и ночной спутник, ты, кто присоединяешься к вою собак (послышалось жуткое завывание толпы) и пролитой крови (чудовищные крики людей смешались с воем животных), ты, который бродишь среди теней и могил (послышались стоны), ты, кто наслаждаешься кровью и сеешь ужас среди мертвых (завывание и стоны толпы стали сильнее). Горго (несколько раз повторялось всеми присутствующими), Мормо (также повторялось возбужденной толпой), таинственный, имеющий тысячи лиц (раздались стоны и звуки флейты), прими благосклонно наши жертвы.

Как только безумная процессия закончила выкрикивать заклинание, обращенное к Сатане, раздался громкий крик со свистом, почти заглушивший звуки органа. Общий стон экстаза одновременно вырвался у всех участников обряда. Затем толпа торжественно произнесла хором: "Лилит, великая и грозная Лилит, посмотри на новобрачного".

Крики усилились. Мэлону послышался шум борьбы и быстро приближающиеся шаги. Он привстал, опираясь на локоть, чтобы лучше рассмотреть происходящее, и опять увидел перед собой мрачный склеп. Мэлон различил движущееся в светящемся ореоле существо. Это было то, что не могло бы ни дышать, ни идти, ни бежать - разлагающийся труп сутулого старика с пустыми глазницами. За трупом плавно летел", почти не касаясь земли, зловещее светящееся чудовище, а еще дальше за ними можно было увидеть толпу темнокожих, тяжело дышащих людей, пытающихся настигнуть труп. Труп опережал своих преследователей и, казалось, сконцентрировал все свои усилия на определенной цели - золотом пьедестале. В своем последнем огромном прыжке то, что было когда-то Робертом Сейдамом достигло желаемой цели и с триумфом вошло на трон Сатаны. В ту же секунду скелет рухнул с пьедестала на землю и превратился в массу гнили. Пьедестал дошатался несколько мгновений и упал в воду, испуская золотое свечение по мере погружения в бездонные воды залива Тартарары. В эту же минуту перед глазами Мэлона исчезло все, он вновь потерял сознание и уже не слышал погребального дикого грома, который, казалось, возвещало захоронении всей вселенной Зла.

Глава 5

Все это случилось с Мэлоном раньше, чем он узнал о смерти Роберта Сейдама. Позже таинственные видения Мэлона дополнились реальными, но загадочными деталями.

Во время облавы три старых ветхих дома на Паркер Плас рухнули без всякой видимой причины, похоронив под своими обломками многих полицейских и арестованных. Среди тех, кто оказался под руинами, было несколько счастливых, избежавших гибели, в том числе и инспектор Мэлон. Но нашли его лежащим без сознания - и этот факт нельзя было отрицать - на берегу черного канала совсем рядом с разложившимся трупом, в котором лишь благодаря зубному протезу врачу удалось опознать Роберта Сейдама. Затем дело прояснилось. Именно сюда, на берег канала, вел тайный подземный ход из подвальной квартиры Роберта Сейдама на Паркер Плас.

Полиция пришла к выводу, что контрабандисты похитили тело Роберта Сейдама, чтобы перенести его в дом для совершения тайного обряда. Предполагали, что Роберт Сейдам возглавлял подпольную организацию переселенцев арабского происхождения. Официальные объяснения полиции не удовлетворили корабельного врача, но он ни на чем не настаивал. Был найден и тайный подземный ход, связывающий жуткий дом на Паркер Плас со склепом, находившемся под церковью. В северной стене каменной церкви был вырыт узкий замаскированный проход, ведущий в него. Здесь же были обнаружены треснувший орган, часовня с дугообразным потолком и каменными скамейками, алтарь необычной формы. В стены были вделаны клетки. В семнадцати из них полицейские с ужасом увидели живых людей, прикованных цепями. Все несчастные лишились разума и находились в невменяемом состоянии. Среди них были четыре женщины со своими детьми. После того, как детей поместили в нормальные условия, к ним не вернулись ни сознание, ни речь, а еще через несколько дней они все умерли. По мнению врачей, это было самым лучшим, что могло с ними произойти после перенесенных кошмаров.

Прежде чем закопать котлован канала, власти осушили его дно и нашли огромное количество человеческих и животных костей все размеров.

Так открылась связь между исчезновением детей и этим роковым домом на Паркер Плас. Полиция смогла возбудить уголовное дело лишь против двоих оставшихся в живых преступников. Что касается золотого пьедестала, как одного из главных элементов страшного обряда, часто фигурировавшего в воспоминаниях Мэлона, его так никогда и не нашли. Но один факт поразил всех участвовавших в этом загадочном деле. Под домом Сейдама, в месте, где углублялся канал и куда может быть провалился трон, образовался глубокий колодец. Дно его невозможно было разглядеть. Тогда, на всякий случай, колодец замуровали.

Полиция была довольна тем, что ей удалось обезвредить и уничтожить банду контрабандистов и подпольное общество безумных фанатиков.

Полицейские передали в руки федеральных властей всех подозрительных курдов, принадлежащих к клану Езиди, поклоняющихся Сатане. Власти приняли решение об их депортации из страны.

Грузовое судно и его экипаж, забравший тело Роберта Сейдама, остались нераскрытой тайной. Но искусленные детективы готовы преследовать

этот корабль-призрак, чтобы помешать его черному делу. Слушая уличные разговоры, Мэлон был уверен, что они никогда не найдут ни корабль-призрак, ни конкретных объяснений делу Роберта Сейдама. Такова же позиция и прессы. Журналисты довольствуются в своих статьях и репортажах лишь описанием садистского подземного культа, названного ими "Ужас в сердце Вселенной", не разбирая причин его возникновения.

Сейчас Мэлон живет в тихом поселке Шепашет, надеясь, что спокойная обстановка поможет ему восстановить расшатанные нервы и трансформирует его ужасные воспоминания из реальных в мифические.

Роберт Сейдам покоится рядом со своей супругой на кладбище Гринвуд. Над его могилой не проводилось никакого погребального обряда. Родственники были благодарны властям за то, что имя старика не сильно трепали в прессе. Но ведь полиция так и не смогла установить прямую причастность Роберта к жутким обрядам на Рэд Хуке. Его смерть помешала судебному разбирательству, и все свои ужасные тайны старик унес с собой в могилу. Родственники Сейдама надеются, что в последующем, когда прекратятся разноречивые слухи, о нем будут вспоминать как о странном одиноком старике, занимавшемся безобидной магией и фольклором.

В квартале Рэд Хук все остается по-прежнему. Призрак Сейдама появляется здесь, и снова в районе парит страх. Над старыми кирпичными домами парят духи зла, толпы бродяг ходят под окнами, где появляются и пропадают искаженные злобой лица.

Ужас, подобный гидре с тысячью головами, старый как мир, и страшные ночные культы глубоко укоренились на земле. Душа Сатаны вездесуща. Жители зловещего квартала с красными и злобными лицами ругаются, распевают непристойные песни, устрашающе воют, перепрыгивая из одной бездны в другую, более глубокую. Никто не знает ни откуда они приходят, ни куда уходят. Как и раньше, здесь действует строгая закономерность: в квартал прибывает больше людей, чем из него уходит.

- Опять ползут таинственные слухи о новых подземных каналах, ведущих в неизвестность. Сохранилась и старая каменная церковь: по ночам в ее окнах мелькают страшные лица. И последнее: к замурованному полицией склепу снова вырыли тайный проход для неопределенных целей. Но кто мы такие, чтобы бороться с этим ядом, более древним, чем сама цивилизация?

Опасения Мэлона не напрасны. Совсем недавно полицейский встретил старую женщину с возбужденными глазами, похожую на колдунью, нашептывающую малышу на местном диалекте: "О наш друг и ночной спутник, ты, кто присоединяется к вою собак и пролитой крови, ты, который бродишь среди теней и могил, ты, кто наслаждаешься кровью и сеешь ужас среди мертвых, Горго, Мормо, таинственный, имеющий тысячи лиц, прими благосклонно ваши жертвы".

Перевод: А. Мороз, Г. Кот

1992 год